

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-2-15-23
УДК(UDC)82.09

*Mayya M. Polekhina,
MGIMO (Moscow State Institute of
International Relations (University),
Moscow, Russia
Полехина Майя М.,
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД,
Москва, Россия*

*For citation: Polekhina Vayya M., (2022).
Bulat Okudzhava and Bella Akhmadulina: «Crossing of Fates».
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 2 (2022), pp. 15-23 (in USA)*

*Manuscript received 27/04/2022
Accepted for publication: 31/05/2022
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

БУЛАТ ОКУДЖАВА И БЕЛЛА АХМАДУЛИНА: «СУДЕБ СКРЕЩЕНИЕ»

BULAT OKUDZHAVA AND BELLA AKHMADULINA: «CROSSING OF FATES»

Abstract:

The article deals with the creative fate of Bulat Okudzhava and Bella Akhmadulina, the history of the relationship of poets in the aspect of the philosophical and aesthetic searches of the era. The spiritual affinity of artists was initially determined by the social environment, attitude, affections and predilections. The war became a starting point in the formation of the moral and ethical values of poets, their ideas of honor, conscience and dignity, and largely determined the nature of artistic consciousness. The war left a monstrous aftertaste: a sense of the fragility of human life, fear of death and alienation. The poems embodied the impressions of the participants and eyewitnesses of the events, which enhanced the emotional possibilities of the narrative, giving rise to a new character of artistry.

Keywords: Okudzhava, Akhmadulina, comparative studies, axiological values, lyrics, fate, war, song genre.

Аннотация:

В статье рассматриваются творческие судьбы Булата Окуджавы и Беллы Ахмадулиной, история взаимоотношений поэтов в аспекте философско-эстетических поисков эпохи. Духовная близость художников изначально определялась социальной средой, мироощущением, привязанностями и пристрастиями. Война стала точкой отсчета в

формировании морально-этических ценностей поэтов, их представлений о чести, совести и достоинстве, во многом определила характер художественного сознания. Война оставила чудовищное послевкусие: ощущение хрупкости человеческой жизни, страх смерти и отчуждение. Стихи поэтов воплотили впечатления участников и очевидцев событий, что усиливало эмоциональные возможности повествования, обусловив новый характер художественности.

Ключевые слова: Окуджава, Ахмадулина, компаративистика, аксиологические ценности, лирика, судьба, война, песенный жанр.

Предметом исследования нашей статьи о творческих судьбах Булата Окуджавы и Беллы Ахмадулиной стала история взаимоотношений поэтов XX века, их исповедальные рассказы «о времени и о себе». Духовная близость поэтов изначально определялась социальной средой, общими взглядами на мир, привязанностями, кругом общения, образованием, близостью поэтических школ. Каждый нес в себе искренний, проникновенный поэтический дар, дар художника и человека. Для каждого был характерен особенный аристократизм души, изящество и благородство, которые ощущались во всем: в манере говорить, слушать, выражать волеизъявление. При всей своей душевности и отзывчивости Окуджава почти ни перед кем не открывался до конца, в нем всегда оставалось нечто такое, что было недоступно для окружающих, сокрыто от чужих глаз. Несколько отстраненной от всех была и Ахмадулина, такой она вошла в жизнь современников. Прекрасная незнакомка... «Она ошеломляла, словно случайно залетевшая райская птица» [6], - писал о ней Евгений Евтушенко. Потрясала ее необычная внешность, ее азиатские раскосые глаза, в которых было что-то «инопланетное», взгляд ее обычно был устремлен поверх человека, сквозь него на нечто никому неизвестное. Голос околдовывал, волшебным переливался и, как замечали современники, «не только при чтении стихов, но и в простеньком бытовом разговоре, придавая кружевную высокопарность даже прозаическим пустякам» [14]. Микаэл Таривердиев в своей книге воспоминаний «Я просто живу», с нежностью писал о Белле: «...странная, бесконечно красивая, утонченно-жеманная, но абсолютно естественная... Такой вот редкостный необычный цветок. Какая-то странная смесь татарской княжны и русской царевны. В ней не было простоты, в ней никогда не было панибратства. Мы знакомы так много лет и всегда были на “вы”. И мне всегда было странно, когда к ней обращались на “ты”. Она как-то всегда от всего дистанцировалась, при полной симпатии, расположении, нежности. Поразительной красоты и совершенства женщина. И такой она осталась...» [15].

И в Булате, и в Белле покоряло достоинство, с которым они справлялись со всеми превратностями судьбы. В них была чистота и незамутненность помыслов, присущая немногим, но покоряющая навсегда своим постоянством. Они были из когорты людей, наделенных, как утверждала Ахматова применительно к Пастернаку, «каким-то вечным детством...». Детство – ключ к пониманию личности. И если для взрослого человека детство – утраченное самозабвение, то для ребенка – это приобретаемое самосознание.

Первое серьезное соприкосновение с миром для Беллы Ахмадулиной было отягощено опытом войны и одиночества, которые она познала маленькой девочкой, оставленной матерью на руках бабушки и тетки. Ее родители ушли на фронт, мать, переводчица, до войны учившаяся в Институте иностранных языков, в военное время, ощутив себя «героической комсомолкой», ушла с медсанбатом на фронт и до конца Отечественной войны санитаркой спасала солдат от смерти. И это было в то время, когда собственное дитя, оказавшись на чужих руках, едва не умирало от голода. Это были первые встречи будущего поэта с болью нелюбви, обреченности и одиночества, ощущением раздробленности и оставленности, «скитальческой тоски» и быстрой смены привязанностей. Отсюда проистекали ее величайшая растерянность, разрыв природных и не обретение общественно-условных связей с миром и ни с чем не сравнимое отчуждение.

Но какие-то промельки нежности, доброты она сумела ощутить в этом одиноком и сиротливом мире. Она вспоминает, как направлялись с бабушкой в Казань, и возле их поезда на параллельных путях остановился другой состав. И ясноглазый молодой солдат с русыми кудрями попросил у бабушки подержать на руках ее девочку: «И в этой нежности, с которой он взял чужого ребенка, прижал и держал его какую-то одну минуту, было такое страдание, потому что детей, может быть, ему никогда не предстояло и не было, небось, совсем – как мне помнится, совсем мальчик был молодой. И вот он подержал, вот так кратко наслаждался этим соучастием в живом детском тепле, отдал, сказал: «Да бери ты, бери, не бойся ты» [8].

И было еще счастье творческого вдохновения, когда она в школе нарисовала День Победы. Шел 1945 год, и учитель, худой, измученный, хромой, с глубоким, трагическим взглядом, предложил детям нарисовать День Победы. Рисовали танки, самолеты, а она в семь цветов радуги написала *тот самый день* и получила пять с плюсом.

Для Окуджавы – опыт войны - трагический опыт «сына врагов народа» (при всем классе его понуждали отречься от отца), а в 1937 году отец был расстрелян по обвинению в троцкизме, в 1938 году была арестована и отправлена в сталинские лагеря его мать, где провела почти десять долгих лет.

С достоинством и уважением к памяти предков Окуджава нес по жизни свой тяжелый крест. Он ушел на войну, потому что так должно, так сложилось традицией - защищать своих близких, свою семью, свою любовь. Потому что, то унижение человеческого достоинства, которое он когда-то испытал перед своими одноклассниками, навсегда осталось в его сердце кровоточащей раной.

*Убили моего отца
ни за понюшку табака.
Всего лишь капелька свинца —
зато как рана глубока!*

*Он не успел, не закричал,
лишь выстрел треснул в тишине.
Давно тот выстрел отзвучал,
но рана та еще во мне*

[10, с. 367]

Сегодня много пишут и говорят о пацифизме Окуджавы: сам он не считал себя пацифистом, полагая, что пацифизм помимо неприятия насилия предусматривает и определенную долю компромиссов, он же не был способен на компромиссы. Окуджава всегда выступал за силу, порядок, жесткую власть, но против всякого рода жестокости и насилия, отстаивая свободное право каждого решать свою судьбу самостоятельно. Поэт пропустил эту войну через себя и рассказал, как разбиваются о страх и ненависть иллюзии, и что-то исчезает в человеке навсегда: «Я ранен ею на всю жизнь и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю. Я ненавижу войну» [3].

В повести «Будь здоров, школяр» он напишет о взрослении и мужании характера, о любви и непреодолимом желании жить, просто жить, потому что для чего-то дана человеку эта жизнь, и он должен познать все ее радости. Но от войны осталось чудовищное послевкусие: ощущение хрупкости человеческой жизни и страх смерти. Картины, воссозданные Окуджавой, во многом созвучны фрагментам книг В. Некрасова «В окопах Сталинграда», М. Абдулина «160 страниц солдатского дневника», В. Астафьева «Прокляты и убиты», Д. Гранина «Мой лейтенант».

Страх смерти, ощущение раздавленности, покинутости и предельного одиночества, все это было предощущением чудовищных страданий героя и экзистенциального страха *исчезновения* из этого мира. «Я был раздавлен страхом. Сколько во мне было этого страха! Бомбежка извлекала все новые и новые волны страха, подлого, постыдного, всесильного, я не мог унять его» [5, с. 9]. Так описывал свои первые встречи с войной герой Даниила Гранина. И эти ощущения близки герою Булата Окуджавы. «Никакая фантазия, никакая книга, никакая кинолента, никакое полотно не передадут того ужаса, какой испытывают брошенные в реку, под огонь, в смерчь, в дым, в смрад, в гибельное безумие, по сравнению с которым библейская геенна огненная выглядит детской сказкой со сказочной жутью, от которой можно закрыться тулупом, залезть за печную трубу, зажмуриться, зажать уши» [1, с. 396]. С таким видением страшных военных картин повседневности вышел к читателю Виктор Астафьев. Школяр Булата Окуджавы в отличие от героев Некрасова, Астафьева, Гранина, Абдулина жил в томительном ожидании боя, он был морально раздавлен изнурительными перемещениями с одной позиции на другую и отсутствием понимания происходящего. Мир казался ему чужим, враждебным и абсурдным... Здесь можно говорить о ярчайшем эффекте достоверности в описании чувствований героя, сопряженных с ощущениями автора. Историки литературы усматривают в этом «эффект присутствия», характерный для литературы данного направления, воплотивший впечатления участника и очевидца событий, что усиливает эмоциональные возможности повествования, обусловив новый характер художественности [17, с. 78].

Война станет точкой отсчета для формирования морально-этических ценностей Окуджавы, его представлений о чести, совести, достоинстве, отношении к женщине. «Первые мои стихи были на военную тему. Из некоторых ... получились песни. Это были, в основном, грустные песни. Потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет. Я считаю ее совершенно ненормальным явлением во взаимоотношениях людей и не средством решать наиболее болезненные вопросы. Войну может воспевать либо человек неумный, либо тот, кто делает ее предметом спекуляции» [3]. Позднее он напишет свое потрясающее стихотворение «Первый день на передовой», где будет много музыки, упоения жизнью, природой, восторг от всего сущего, и все это внезапно прерывается какофонией боя, когда все смешалось: жизнь - смерть, и герой оказывается на перепутье: он не хочет участвовать в этой безумной бойне, он хочет просто жить... «Жить хочется!/ Жить хочется!/ Когда же это кончится?..// Мне немного лет... /гибнуть толку нет.../ я ночных дозоров не выстоял.../ я еще ни разу не выстрелил...//» [10, с. 135]. В поэтическом преломлении Окуджавы это был всего лишь сон, но этот сон обнажил самую сущность молодой жизни, ее экзистенцию. И как заметит Дмитрий Быков в книге о Булате Окуджаве «мальчик с арбатского двора никак не может примириться с тем, что он смертен, и более того, обречен...» [4, с. 111]. Около двухсот песен было написано Окуджавой о войне, более, чем в восьмидесяти кинофильмах они звучат и делают картины особенно запоминающимися и узнаваемыми.

Через опыт предвоенных репрессий затянувшейся травмой станет для Булата трагическая судьба его матери. В рассказе «Девушка моей мечты» (1985) он напишет о встрече с матерью после многих лет разлуки и о постижении трагедии ложных идеалов, которым была отдана целая жизнь: «Я усадил ее и заглянул ей в глаза. Эти большие, карие, миндалевидные глаза были теперь совсем рядом. Я заглянул в них... Готовясь к встрече, я думал, что будет много слез и горьких причитаний, и я приготовил такую фразу, чтобы утешить ее: «Мамочка, ты же видишь – я здоров, все хорошо у меня, и ты здоровая и такая же красивая, и все теперь будет хорошо, ты вернулась, и мы снова вместе...». Я повторял про себя эти слова многократно, готовясь к первым объятиям, к первым слезам, к тому, что бывает после десятилетней разлуки... И вот я заглянул в ее глаза. Они были сухими и отрешенными, она смотрела на меня, но меня не видела, лицо застыло, окаменело, губы слегка приоткрылись, сильные загорелые руки безвольно лежали на коленях. Она ничего не говорила, лишь изредка

поддакивала моей утешительной болтовне, пустым разглагольствованиям о чем угодно, лишь бы не о том, что было написано на ее лице... «Уж лучше бы она рыдала», – подумал я. Она закурила дешевую папиросу. Провела ладонью по моей голове...» [12].

Он навсегда запомнил легкий жест материнской ладони, ее волшебное прикосновение когда-то давно, в детстве. В повести «Будь здоров, школяр» ему увидится что-то очень знакомое, почти родное в чертах незнакомой сельской женщины, в доме которой солдаты остались на ночлег. Мне хотелось крикнуть: «Мама, я жив – здоров. Скоро вернусь... С победой...» [13]. Ему важно было сказать о своем присутствии в этом мире. Все его прекрасные Незнакомки, портреты возлюбленных были выписаны с портрета матери, и, вероятно, именно такой, страдающей и вечно ускользающей, но неизменно сохраняющей свое достоинство, он будет воспринимать и своего незабвенного друга – Беллу. Безусловно, обращаясь к исследованию женских образов в произведениях поэта, мы не исключаем и блоковского влияния, которое станет мощным импульсом для рождения образов прекрасных подруг в лирических произведениях поэта.

И еще об одном пристрастии поэтов следует специально сказать, привязанности, которой сами они придавали исключительное значение: и Булат, и Белла бесконечно любили Грузию, грузинский язык, грузинскую культуру и литературу. С большим увлечением и страстью Белла работала над переводами Галактиона Табидзе, мужа сестры матери Булата Окуджавы - Ольги Окуджавы, безвестно пропавшей в сталинских лагерях. Белла находила мистический смысл в этом родстве и придавала ему особую окраску. Булат никогда не забывал о судьбе своих близких родственников. Памяти Табидзе посвящено стихотворение Окуджавы «Свадебное фото», где в незамысловатом рисунке стиха запечатлена трагическая судьба возлюбленных: «*А на фото свадебном, на тусклом, / ты еще не знаешь ничего: /ни про пулю меж Орлом и Курском, / ни про слезы тайные его*» [10, с. 517].

Судьба Галактиона Табидзе – одна из болевых точек и для Беллы, она всегда восхищалась его талантом и со свойственной ей страстью переводила стихи грузинского поэта. В 1987 году, поздравляя Беллу со страниц журнала «Литературная Грузия», Окуджава признается: «*Я пишу тебе из города, из страны, кровь которой, я знаю, с давних времен перемешалась с твоей кровью... Мой давний друг, я очень люблю тебя, хотя, наверное, слишком неумело, коряво и эгоистично, но тем больше дорожу твоей благосклонностью, трепетной и верной. Будем жить по заветам этой земли, принимая сегодняшний день и ничего не забывая из минувшего... Я знаю, что жизнь бесконечна. Я знаю, что все преходящее отлетит и забудется, но русского языка река и водопад грузинской речи будут kloкотать в нашем горле, покада Земля и Небо не возвратят нас в свое лоно*» [8].

Внутренний голос совести неукоснительно руководил всеми их поступками. «*Нерасторжимы словесность и совесть*», – писала Белла, а Булат в стихах, ей посвященных, как бы отвечая на эти слова, утверждал: «*Совесть, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство...*» [10, с. 430]. Глубокая внутренняя отзывчивость, готовность в любой момент откликнуться на боль другого персонифицированы в признании-исповеди Беллы Ахмадулиной: «*Булат, о смерти жизнь хлопочет./Забудем вместе про беду/ всеобщую. Вот – колокольчик!/ Ты позвони – я прибегу!*» [9]. Резонирующее художественное пространство Булата Окуджавы откликалось пронзительными стихами: «*Чем дольше живем мы, тем годы короче,/ тем слаще друзей голоса./ Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,/ Глаза бы глядели в глаза*» [10, с. 389].

Оба они, пройдя войну и получив филологическое образование и воспитание классической литературой, освоив ее профессионально, очень рано составили о ней собственное мнение, которое не всегда совпадало с общепринятым: «*Я вас обманывать не буду./ Мне вас обманывать нельзя: /обман и так лежит повсюду,/ мы по нему идем, скользя.// Давно погашены улыбки,/ вокруг болотная вода,/ и в том – ни тайны, ни ошибки,//*

а просто горе да беда! [10, с. 329], — с горечью признавался Окуджава. Они всегда были в гуще самой жизни, в центре событий своей страны, но они не были диссидентами, поскольку политика, в сущности, их мало интересовала. Но когда требовалось защитить честь и достоинство близких по убеждению людей, они вступали на этот путь без каких бы то ни было сомнений. Так сложилась ситуация с Пастернаком, когда Ахмадулина отказалась подписывать обвинительное письмо против поэта и была исключена из литературного института, позднее она выступила в защиту диссидента Леонида Бородина, оказавшись единственной из либерального сообщества, кто принял его позицию на суде.

В жизни поэтов была дорогая сердцу Таруса, литературный мир Переделкино, московские переулки Арбата. Здесь в кругу близких и дорогих сердцу людей крепили их убеждения и пристрастия. Ключевое место в художественной концептосфере поэтов занимали «московские стихи», стихи об Арбате. Старинная московская улица и для Окуджавы, и для Ахмадулиной была нечто неизмеримо большим, чем одна из центральных улиц столицы: *«Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое отечество, / никогда до конца не пройди тебя!»* [10, с. 177]. Целый ряд ученых сходятся на том, что Арбат стал художественной моделью мира Булата Окуджавы, к образу Арбата стянуты все его эмоциональные и этические представления [7, с. 189].

Арбат был малой родиной поэта, здесь он впервые признался в любви своей однокласснице, отсюда он уходит на войну. В ассоциативных образах концепта Арбат актуализированы мотивы верности, любви, духовного родства, братства. В тихих двориках Арбата когда-то прогуливались Пушкин, Андрей Белый, Куприн, Бунин, Зайцев, здесь располагался центр театральной и культурной жизни столицы.

До конца жизни Арбат оставался неизменной любовью поэта, его единственным отечеством, религией, любовью, судьбой: *«Я - дворянин арбатского двора, / своим двором введенный во дворянство»* [10, 393]. Арбат оставался местом, с которого начиналось все: *«Моя родина – это Арбат... Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе, в детстве у меня была русская няня, из деревни, все это я впитывал, жадно воспринимал и рос истинным арбатцем»* [8, с. 3]. И в юности, в период длительных пребываний на родине предков в Грузии главное место в его сердце занимал московский Арбат, и как напишет он позже, *«тот гордый, сиротливый, / Извилистый, короткий коридор от ресторана Праги до Смоляги / и рай, замаскированный под двор, где все равны: и дети и бродяги...»* [10, с. 336].

Это было пространство, населенное «своими» людьми, маленький «рай», страна уходящего детства: *«Кликну мальчиков с Арбата, что живые. / Все они свои ребята, золотые», «За праведность и преданность двору / Пожалован я кровью голубою», // «Упрямо я твержу с давнишних пор: / меня воспитывал арбатский двор, / все в нем, от подлого до золотого»* [10, с. 384], *«Ни почестей или богатства для дальних дорог не прошу, / но маленький дворик арбатский с собой уношу, уношу»* [10, с. 177].

С Арбатом связаны драматические эпизоды в жизни страны и целого поколения, в конце 1980-х годов – разрушение дорогого сердцу мира, когда прежних жителей Арбата стали переселять на окраины столицы. Это стало гибелью мечты, юношеских грез и амбиций. Арбат, который был целым миром, страной, Отечеством, как шагреневая кожа сжался до ...микророда, дома. В стихах Окуджавы *«Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...»* [10, с. 392] описывается разрушение Арбата, когда его прежние жители оказывались на периферии столицы, а на арбатской улице обосновывались чиновники, которые «выстраивали» Арбат по своему усмотрению. Этот процесс до конца жизни оставался неизбывной болью Булата Окуджавы, *«арбатство, растворенное в крови»* [10, с. 391] можно было изжить с самой жизнью.

*Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжёк быт
или страшины мытарства.*

*А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше*
[10, с. 315]

Окуджава откровенно выражал позицию свободной, независимой личности, позицию человека, настаивающего на своем праве быть счастливым, преданным обыкновенным вещам – друзьям, семье, дому. В начале восьмидесятых состояние общества было удручающим: благородная идея, вдруг обнажила свой «зловещий оскал» и стала предлогом для безграничного произвола; это было одной из причин скепсиса, с которым поэты встретили общественные перемены. С одной стороны, все свидетельствовало о народной жажде свободы, с другой стороны, о почти поголовном отсутствии принципов. В поэтическом признании Ахмадулиной эта боль и горечь звучали открыто и определенно: *«Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх/ вас, беззащитных, среди этой ночи./ К предательству таинственная страсть,/ друзья мои, туманит ваши очи... // О одиночество, как твой характер крут!/ Посверкивая циркулем железным,/как холодно ты замыкаешь круг,/ не внемля увереньям бесполезным»* // [2, с. 33-34].

Величайшей ценностью на земле поэты воспринимали человека, они ценили жизнь такой, какая она есть, и презирали великие абстракции, с помощью которых прикрывались самые заурядные человеческие пороки. Великая тайна умолчания и большая боль за человека звучали в их стихах. Дмитрий Быков определил место Окуджавы в нашем обществе как персонажа «упраздненного театра»: «Булат Окуджава был голосом и оправданием своей страны, той страны, которой больше нет; он был лучшим, что в ней было, райской птицей, поющей в аду и немислимой вне этого ада. Этот ад был декорацией его упраздненного театра, фоном его песни, антиподом и условием существования его художественной вселенной» [4, с. 218]. В последние годы у поэта все чаще появлялось желание поиронизировать над своими прежними романтическими идеалами: *«Арбата больше нет: растаял словно свеченька, / Весь вытек, будто реченька; осталась только Сретенка.// Ах, Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеши: /надо, чтоб хоть что-нибудь осталось/ для души!»* [10, с. 482]. Неслучайно обращение поэта к известной улице: одна из центральных улиц в Москве получила свое название в честь Сретенского монастыря, знаменитого храмового сооружения XIV века. Казалось бы, ничего общего нет между названием улицы и названием религиозного праздника — Сретения Господня. И вместе с тем, какую-то глубинную связь мы здесь невольно усматриваем: согласно традиционным представлениям, Сретение Господне символизировало встречу младенца Иисуса, которого родители впервые принесли в храм, со старцем Симеоном, предсказавшим Христу высокую миссию — «служение и спасение людей». Вместе со «вселенской» болью и острым чувством одиночества в Окуджаве в последние годы его жизни возрождалась надежда: ему казалось, что душевность того прежнего мира, где остались его детство и юность, еще вернется на Арбат, в «тот двор с человеческой душой», и вечные, непреходящие ценности возродятся в сердцах и поступках людей через преображение в новом качестве.

References:

1. Astaf'ev V.P. Proklyaty i ubity. Roman. Moskva: Eksmo, 2002. 798 s.
2. Ahmadulina Bella. Sochineniya. Tom 1. Stihotvoreniya. 1954-1979. Perevody iz gruzinskoj poezii. Rasskazy. – M.: KORONA-PRINT, 1997.
3. Bulat Okudzhava o vojne. Kolokol. [Elektronnyj resurs]: <https://poembook.ru/diary/57899-bulat-okudzhava-o-vojne> (Data obrashcheniya: 14 fevralya 2021 g.).
4. Bykov Dmitrij. Bulat Okudzhava. M.: Molodaya gvardiya, 2020. 777 s.
5. Granin D.A. Moj lejtenant. Moskva: OLMA Media Grupp, 2013. 320 s.
6. Evgenij Evtushenko o Belle Ahmadulinoj: Po-nastoyashchemu ona lyubila tol'ko menya i Bulata Okudzhavu... [Elektronnyj resurs]: <http://www.kp.ru/daily/26666.3/3686671/> (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
7. Kofanova V.A. YAzykovye osobennosti geopoetiki avtorskoj pesni: na materiale tekstov proizvedenij B.SH. Okudzhavy, A.A. Galicha, A.M. Gorodnickogo, YU.I. Vizbora: Dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2006.
8. Messerer Boris. Promel'k Belly. [Elektronnyj resurs]: <https://www.rulit.me/books/promelk-belly-fragmenty-knigi-read-333719-6.html> (Data obrashcheniya: 14 fevralya 2021 g.).
9. Messerer Boris. Promel'k Belly. Bulat Okudzhava. Glava iz knigi. // «Oktyabr'», 2013. № 5 [Elektronnyj resurs]: <https://magazines.gorky.media/october/2013/5/promelk-belly-bulat-okudzhava.html> (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
10. Okudzhava Bulat. Stihotvoreniya / Vstup. stat'i A. S. Dubshana i V. N. Sazhina. Sost. V. N. Sazhina i D. V. Sazhina. Primech. V. N. Sazhina. - SPb.: Akademicheskij proekt, 2001. - 712 s.
11. Okudzhava Bulat: «Eto byli grustnye pesni, potomu chto nichego veselogo v vojne net». Izvestiya, 4 maya 2004. [Elektronnyj resurs]: <https://iz.ru/news/289749> (Data obrashcheniya: 11 fevralya 2021 g.).
12. Okudzhava Bulat. Devushka moej mechty. [Elektronnyj resurs]: <https://e-bazarov.livejournal.com/2946.html> (Data obrashcheniya: 14 fevralya 2021 g.).
13. Okudzhava Bulat. Bud' zdorov, shkolyar! [Elektronnyj resurs]: www.mnogobook.ru/proza/main/sovetskaya_klassicheskaya_proza/40621/fulltext.htm (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
14. Sanaeva Tamara. Proshchanie Belly Ahmadulinoj. [Elektronnyj resurs]: <https://proza.ru/2015/12/05/1684> (Data obrashcheniya: 10 fevralya 2021 g.).
15. Tariverdiev Mikael. «YA prosto zhivu. [Elektronnyj resurs]: https://bookscafe.net/book/tariverdiev_mikael-ya_prosto_zhivu-248065.html (Data obrashcheniya: 11 fevralya 2021 g.).
16. Tolstoj Ivan. 1995-j god. Bulat Okudzhava [Elektronnyj resurs] <https://www.svoboda.org/a/1730213.html> (Data obrashcheniya: 12 fevralya 2021 g.).
17. SHCHelokova L.I. K voprosu o poetike «Nevymyshlennoj prozy» v povestyah K.D. Vorob'eva //Pravda o vojne v hudozhestvennyh interpretacijah. K yubileyu Pobedy: materialy HKHV SHeshukovskih chtenij/ Pod obshch. Red. L.A. Trubinoj. – Moskva: MPGU, 2021. - S. 75-83.

Information about the author:

Polekhina Mayya Mudarrisovna(Moscow, Russia) – doctor of philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation studies MGIMO (Moscow State Institute of International Relations (University), 3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, 143007, Russia). Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, mythopoetics, conceptology, hermeneutics, methodology of scientific research, philological analysis of the text, rhetoric, speech culture, business communication, Russian as a foreign language and methods of teaching. **E-mail:** illusio2008@yandex.ru

ORCID 0000-0002-1225-8194 - Publications:

Polekhina M.M., Avtorskie konnotacii M. Tsvetaevoj v konceptualnoj kartine mira cheshskogo

perioda [v]: *Literatura russoj emigracii, Olomouc* 2016, c. 143-154;
Polekhina M.M., *Poetic thanatology in the discourse of art creativity of M. Tsvetaeva and V. Mayakovsky* [v]: «Cross - Cultural Studies: Education and Science» 2018, No 2, c. 50-63;
Polekhina M.M., *Teffi* [v]: *Russkie pisateli. 1800-1917. Biograficheskij slovar. Moscow; Sankt-Peterburg* 2019, c. 346 – 350;
Polekhina M.M., *Russian emigration in search of identity: «Modern Notes» (1920-1940) in the context of the dialogue of cultures* [v]: *Polilog: Studia Neofilologiczne* 2020, No 10, c. 19-32;
Polekhina M.M., «Cafe conduct» by Boris Pasternak: the formation of an artist, influence and interaction [v]: «Cross - Cultural Studies: Education and Science» 2020. T.5. No 3, c. 44-55;
Polekhina M.M., *Nadezhda Taffy and Marina Tsvetaeva: the story of one «never meeting»* [v]: *Other shores of Russian literature and culture: ideas, poetics, and contexts. Collective monograph. Wroclaw – Krakow*, 2021, c. 39-56.

Acknowledgements:

I express my deep gratitude to the team of editors for providing full support in editing and publishing my article. The special thanks to Middlebury University, in person, C.V. Starr Professor Thomas Bayer.

Contribution of the author: *the author contributed a lot to the research.*